

и может сделать так, что «стая кораблей» *тонет*. Слово «скользит» здесь особенно выразительно: скольжение — это всегда легкое, незатрудненное движение. Что такая свобода односторонняя и близка к деспотизму, поэтому как бы не замечается. Все сказанное относится к тому, что вызывает восхищение. Частично это подчеркнуто и характером строфы. В 4-й строфе напряженность создана изменением рифмовки, а в 5-й увеличивается количество строк, вместо катрена — пятистишие: восхищение «неодолимым» морем словно не умещается в четыре стиха.

Окончательное объяснение, почему для поэта море — «души предел желанный», желанный, но все-таки недостижимый, почему поэт восхищается морем, — в следующей, 6-й строфе. Заявка на такое объяснение была дана уже в 3-й строфе, где произнесена фраза: «Заветным умыслом томим». Фраза не пояснена, прервана как бы в самом начале. Возникла ретардация, захватившая две последующие строфы. Фраза загадочна, и, как потом оказывается, пояснения к загадке не столько раскрывают тайну, сколько скрывают ее.

6-я строфа начата стихом: «Не удалось навек оставить...». Перед первым стихом, казалось бы, следовало поставить противительный союз *а* (*а мне... не удалось...*). Но противительного союза нет, а в словосочетании «*мне не удалось*» зависимое слово «*мне*» перенесено в начало следующего стиха. Стоящее рядом, на «своем» месте, слово это придавало бы фразе обыденность. Между тем в этой строфе все наименее обыденно. Смысл всех стихов строфы выражен очень туманно, неотчетливо. Что значит «поздравить восторгами»? Что за «поэтический побег»? Замысел побега, отраженный столь отчетливо в письмах и воспоминаниях, в стихах словно засекречен. Во всяком случае ясно, что нет задачи разъяснять его, важна лишь атмосфера события. Мысль затупевана, и делается это скорее всего сознательно. И «поэтический побег», и «поздравить восторгами», и «хребты» — все это вместе взятое создает общее впечатление неясного, но чего-то страстно желаемого и неосуществленного. Напряжение отражено и в характере строфы (5 стихов, рифмовка АВААВ, характер рифмовки создает ожидание гармонического завершения в последнем стихе).

А дальше — разрядка, объяснение найдено, как будто найдено оправдание (катрен с перекрестной рифмой). 7-я строфа звучит как вздох облегчения, когда сделан выбор и нет уже возможности решить иначе. Самое трудное уже сказано. В начале строфы есть еще некоторая напряженность (повтор: «ты ждал, ты звал...», затем пауза, соответствующая многоточию). Но здесь, в отличие от предыдущих стихов, мысль выговаривается прямо, в личных местоимениях *Я — ТЫ*; объяснение с двух сторон заключено местоимением *Я*, мысль закончена категорично и решительно. То, что выбор сделан в пользу «могучей страсти», лишь частично смягчено страдательным залогом («я был окован... очарован»). Логически история несостоявшегося побега не завершена, не развито и многозначительное упоминание о «могучей страсти». Но это не мешает поэтической, интонационной завершенности отрывка. Событие лишь обозначено, сказать о нем больше нельзя и незачем. Поэтому столь важно здесь кольцевое построение, отмеченное выше, объединяющее 6-ю и 7-ю строфы.

Тем естественнее переход к обобщенному и решительному вопросу: «О чем жалеть?..» Вопросу более оценочному, чем логическому. В нем та же позиция горького оправдания в пользу сделанного выбора («у берегов остался я»). Тема поэтического побега стала уже прошлым, отодвинута в прошлое, и требуется быстрое переключение к теме новой, более злободневной и более волнующей, современной: «...Куда бы *ныне* я путь беспечный устремил?»

Следующие звенья цепи размышлений связаны с именами Наполеона и Байрона. Этот отрывок в стихотворении наиболее монолитный, цельный. Здесь особенно заметно, как создается неразрывность цепи размышлений, сцепление мыслей. Мысль, выраженная в одной строфе, словно возобнов-